

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-3.18>

Сиверцев Евгений Юрьевич

ЭСКАПИЗМ КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В статье речь идёт об открытом теоретиками литературы феномене эскапизма. Искусствоведы характеризуют эскапизм как изображение фантастической реальности, соответствующей внутренним потребностям человека, но недостижимой в объективном мире. Автором делается предположение, что названный феномен свойственен не только определённым жанрам искусства, но характеризует человеческое существование в целом. Понятия реального мира и иллюзорного мира соотносимы не с правилами верифицирования и с логикой, а с особенностями психоэмоциональной сферы человека. Для обоснования данного тезиса используется методология, предложенная в работах европейских экзистенциалистов XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2018/3/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(89) С. 96-100. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2018/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

стабильной и долговечной. Подавляющее большинство людей не признает авторитет закона и не будет ему самостоятельно следовать, если не чувствует морального обязательства по отношению к существующему праву и не разделяет его целей. Правовая система, не опирающаяся на требования нравственности и справедливости, должна будет зависеть от репрессий. И когда репрессивный режим падает, его система падает вместе с ним.

Список источников

1. **Архипов В. В.** Лон Фуллер о соотношении права и морали // Известия вузов. Правоведение. 2005. № 6. С. 145-152.
2. **Баженова Е. А.** «Минимальное содержание естественного права» Г. Л. А. Харта и «внутренняя мораль права» Лона Л. Фуллера // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 1. С. 116-122.
3. **Баженова Е. А.** Философия права Г. Л. А. Харта: учеб. пособие. Владимир: ВлГУ, 2016. 92 с.
4. **Дидикин А. Б.** Современные теории естественного права и классическая традиция // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8. № 2. С. 418-424.
5. **Лапаева В. В.** Соотношение права и морали в правовой концепции Л. Фуллера // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 2. С. 241-256.
6. **Левенец Е. В.** Отношение права и морали в «аналитическом» правовом позитивизме // Вестник Московского государственного открытого университета. Серия «Экономика и право». 2011. № 3. С. 62-69.
7. **Оглезнев В. В.** Переосмысление и новая интерпретация дискуссий между Г. Л. А. Хартом и Л. Л. Фуллером и их значение для аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 55-60.
8. **Пырина М. В.** Субъект права и особенности права в трактовке аналитической философии права // Эпистемы: сборник научных статей. Екатеринбург: Ажур, 2014. Вып. 9. Аспекты аналитической традиции. С. 153-161.
9. **Фуллер Л. Л.** Мораль права. М. – Челябинск: ИРИСЭН; Социум, 2016. 308 с.
10. **Харт Г. Л. А.** Позитивизм и разграничение права и морали // Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2017. С. 168-214.
11. **Харт Г. Л. А.** Понятие права. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2017. 302 с.
12. **Hart H. L. A.** Book Review – The Morality of Law by Lon L. Fuller // Harvard Law Review. 1965. Vol. 78. № 6. P. 1285-1296.
13. **Raz J.** The Rule of Law and Its Virtue // Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 210-228.
14. **Waldron J.** Positivism and Legality: Hart's Equivocal Response to Fuller. Symposium: The Hart-Fuller Debate at Fifty // New York University Law Review. 2008. Vol. 83. № 4. P. 1135-1169.

THE PROBLEM OF THE MORALITY OF LAW IN THE CONCEPTS OF L. FULLER AND H. HART

Perov Vadim Yur'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Sevast'yanova Alina Dmitrievna
 Saint Petersburg University
 vadimperov@gmail.com; sevastianovaa@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the discussion between the leading legal philosophers of the XX century H. L. A. Hart and L. L. Fuller on the issue of the morality of law, by the example of which both theoretical and practical collisions of legal positivism and natural law concepts are solved. The focus is on the idea of the internal morality of law proposed by L. Fuller, which is intended to provide not only moral justification, but also the power of law. The authors conclude that it is the morality of law that makes it possible to avoid state authoritarianism and repressive methods of law functioning.

Key words and phrases: ethics of law; legal positivism; legal naturalism; internal morality of law; effectiveness of law.

УДК 130.11

Дата поступления рукописи: 20.03.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-3.18>

В статье речь идёт об открытом теоретиками литературы феномене эскапизма. Искусствоведы характеризуют эскапизм как изображение фантастической реальности, соответствующей внутренним потребностям человека, но недостижимой в объективном мире. Автором делается предположение, что названный феномен свойственен не только определённым жанрам искусства, но характеризует человеческое существование в целом. Понятия реального мира и иллюзорного мира соотносимы не с правилами верифицирования и с логикой, а с особенностями психоземotionalной сферы человека. Для обоснования данного тезиса используется методология, предложенная в работах европейских экзистенциалистов XX века.

Ключевые слова и фразы: эскапизм; реальность; иллюзия; верификация; оценивающие высказывания; экзистенция; жизненная форма; языковая игра; фундаментальное настроение.

Сиверцев Евгений Юрьевич, к. филос. н., доцент
 Санкт-Петербургский государственный университет
 Emden1914@mail.ru

ЭСКАПИЗМ КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Слово «эскапизм» происходит от английского глагола “*escape*”, что буквально значит «убежать», «спастись». Сам термин был введён в теоретический оборот Дж. Р. Р. Толкином. Восьмого марта 1939 года

в Университете Сент-Эндрюс он прочёл лекцию под названием «О волшебной сказке». Среди прочего Толкин размышляет о литературном направлении, которое именует «эскапистским». Это направление предлагает «избавление и утешение», которые «сегодня являются формой литературы “эскапизма”, т.е. “бегства от реальности”» [9, с. 72]. Спектр явлений, делающих реальность невыносимой и вынуждающих от неё бежать, весьма широк. От не слишком докучающего шума двигателя внутреннего сгорания до голода, жажды, нужды, боли, горя, несправедливости, смерти [Там же].

Со временем эскапизм становится предметом исследования психологии и психиатрии. Там он до некоторой степени антропологизируется – т.е. из литературного направления превращается в свойство (часто патологическое) человеческой психики. Определяется эскапизм как «невротическое стремление спрятаться от психотравмирующей действительности в воображаемом, вымышленном мире или в областях каких-либо отвлекающих занятий (таких, например, как компьютерные игры, чтение лёгкой литературы, увлечение теле-сериалами и т.п.)» [5, с. 786].

Философия пока не сделала эскапизм предметом специального пристального исследования – именно этим, очевидно, объясняется то обстоятельство, что эскапизм не имеет «чёткого, устоявшегося толкования и классификации» [7, с. 13].

В задачи данной работы не входит специальное исследование эскапизма – мы берём это явление в самом общем его определении и пытаемся прояснить причину «эскапичности» человеческого существования, а также выяснить: является эскапизм всеобщностью (т.е. свойственен каждому человеку) или особенностью (встречается у отдельных людей и зависит от конкретной индивидуальности).

Самое общее определение даёт уже упомянутая Д. Г. Литинская: термином «эскапизм» «обозначают мировоззрение или стиль жизни, подменяющий реальные отношения с миром на воображаемые» [Там же].

Очевидно, можно говорить о двух видах эскапизма. Первый вид – это бегство из реального мира в мир иллюзорный, выдуманный. Второй вид – отказ от подлинного бытия в пользу неподлинного.

В нашей работе анализируется первый вид эскапизма. Начнём с определений понятий «реальный мир», «иллюзорный мир» и «бегство».

«Мир» (как реальный, так и иллюзорный) существует в человеческом интеллекте в виде высказываний (суждений) и связанных с ними образов. Высказывания разделяют на *дескриптивные* (описательные) и *оценочные* [6, с. 56].

Рассмотрим высказывания, образующие «реальный мир». Формирование «реального мира» можно проследить, применяя методологию «дискурсивного анализа», предложенную оксфордскими профессорами С. Вулгаром и Б. Латуром [17, р. 43-69].

Здесь используются два концепта: «жизненная форма» и «языковая игра». Первый введён немецким психологом неокантианской ориентации Эдуардом Шпрангером (1882-1963). «Жизненная форма» – неизменный, инвариантный тип человеческого существования, «единство душевной жизни как “смысловой связи” различных психических функций» [10, с. 520]. Структура, остающаяся самотождественной в многообразии и изменчивости жизни и соединяющая индивидуальные душевные целостности с наиндивидуальными духовными образованиями. Если говорить о жизненной форме как инструменте восприятия мира, инструменте формирования индивидуальной картины реальности, то она является одновременно своеобразным фильтром и своеобразным корректором. Как фильтр она пропускает лишь определённые блоки информации, идущие от внешнего мира, как корректор она преобразует их форму и содержание. Чем организовано функционирование «жизненной формы»? Хочется сказать – внутренней сущностью личности. Но это не может быть верным: внутренняя сущность личности этой жизненной формой как раз и организована. И здесь мы обращаемся ко второму из названных концептов – «языковой игре».

Сам термин «языковая игра» в нынешнем его понимании сформулирован Людвигом Витгенштейном (1889-1951) в работе, озаглавленной «Философские исследования» (создавалась работа в последние десятилетия жизни автора, опубликована через 2 года после смерти). «“Языковой игрой” я буду называть... единое целое: язык и действия, с которыми он переплетён» [3, с. 83]. Игры представляют собой образцы речевой практики, единства мысли-слова-дела, а также обстоятельств, при которых все это вместе взятое осуществляется. «Термин “языковая игра” призван подчеркнуть, что *говорить* на языке – компонент деятельности или форма жизни» [Там же, с. 90]. Очевидно, под языковой игрой можно понимать процесс взаимодействия слов, при котором происходит взаимное наполнение их смыслом. Т.е., например, смысл слова “N” организуется его употреблением одновременно со словами “M”, “F”, “L” и другими, в то же самое время слово “N” участвует в формировании и смыслов слов “M”, “F”, “L”. Кроме собственно языкового процесса, в образовании смысла участвуют внешние самому процессу говорения обстоятельства. Витгенштейн эти обстоятельства не анализирует, а просто называет: «образцы речевой практики», «мысли», «дела» и т.д.

Кратко рассмотрев «жизненные формы» Шпрангера и «языковые игры» Витгенштейна, мы обнаружили некоторую незавершённость того и другого концептов. «Жизненные формы» не могут образовываться сознательно действующей личностью и в то же время – не могут образовываться чем-то, для личности внешним. «Языковые игры» осуществляются до некоторой степени хаотично, без правил и без какой-либо осознанной цели. Очевидно, на это обстоятельство и обратил внимание Вулгар. «Жизненная форма» и «языковая игра» – феномены *взаимодополняющие*. «Жизненная форма» становится именно *формой*, т.е. формируется, приобретает определённость исключительно в единении с совокупностью слов – т.е. в единении с «языковой игрой».

«Языковая игра» становится именно *игрой* – т.е. осуществляющимся процессом, стремящимся к упорядочению, стремящимся к определённой цели только в связи с «жизненной формой».

Значит, «реальный мир» личности – лингвистически организованный способ восприятия всего того, что личностью позиционируется как внеличностное. Или – иными словами – «реальный мир» есть совокупность фактических высказываний и связанных с ними образов. Обратим внимание на два момента. Оба являются следствием указанной лингвистической организованности. «Реальный мир» есть единство изменения и неизменности: языковые игры *чередуются*, сменяют друг друга, жизненная форма – поскольку она является жизненной формой конкретной личности – удерживает процесс этой смены в рамках определённой самоидентичности, сохраняет личность в многообразии её изменений. Второй момент – «реальный мир» личности нельзя считать индивидуальной, субъективной (тем более – искажённой) лингвистической переработкой некоей «объективности». Реальный мир – это единственная объективность, о которой можно вести речь.

Следующее понятие, которое необходимо определить, – это мир *иллюзорный* (“*illusio*” – «заблуждение», «обман»), тот самый мир, в который стремится уйти (мысленно и эмоционально) личность, не нашедшая себе места в мире реальном.

Первая наша задача – выяснить специфику высказываний, формирующих иллюзорный мир, т.е. мир заблуждения, мир обмана. В логическом смысле они совершенно обычны: имеют субъект, имеют связку, имеют предикат. По содержанию являются высказываниями *синтетическими*. Специфика их синтетичности следующая. Высказывания, описывающие реальный мир (которые, разумеется, тоже синтетичны), считаются связывающими то, что по необходимости связано объективно. Высказывания же, описывающие иллюзорный мир, считаются связывающим то, что объективно может быть и не связано.

Чтобы обнаружить мотивы подобного мнения, мы должны взглянуть на трактовку причин наличия ложных высказываний, как она сложилась в европейской мысли.

На первый взгляд кажется, что попыток ответа на этот вопрос достаточно много. Но на самом деле – если мы будем отличать формальное определение ложности от поиска *причин* заблуждения – версий отыщется не так уж и много. Пример *формального* определения ложности встречаем у Аристотеля: «...истинно утверждение относительно того, что на деле связано, и отрицание того, что на деле разъединено» [1, с. 186]. Причин появления ложных высказываний Аристотель не ищет.

Очевидно, первое философское направление, занявшееся поиском именно *причин* заблуждения, – это стоики. В основе знания, по их мнению, лежит «постигающее восприятие». Последнее «(1) происходит от наличного предмета; (2) запечатлевает этот предмет через изменение, произведённое им в душе, и (3) вызывает согласие субъекта» [2, с. 271]. Согласие субъекта зависит не от познаваемого явления, а только и исключительно от самого субъекта: «...“согласие” есть по преимуществу то, “что от нас зависит”... – в том смысле, что оно зависит *исключительно* от нас» [12, с. 35]. Зенон утверждает, что имеются «добавочные обстоятельства, не относящиеся к структуре самого механизма восприятия» [Там же]. К данным «добавочным обстоятельствам» следует отнести прежде всего добродетельность, т.е. соответствие субъекта этическим нормам. Соответственно, *причина* заблуждения – со стоической точки зрения – уклонение человека от пути жизни, намеченного судьбой, роком, дезориентация в системе нравственных ценностей.

Средневековая мысль окончательно «морализирует» причину появления ложных высказываний. Таковой причиной является религиозно-этическое несовершенство человека. Соответственно, правильно мыслит – т.е. адекватно отражает сущее в своих высказываниях – лишь тот, кто в максимальной степени преисполнен религиозной веры и в минимальной степени подвержен влиянию греха: «...грех находится в интеллектуальной части [души]. Но грех связан с ложностью, ведь те, кто совершает злое, заблуждаются, как сказано в Притчах» [11, с. 388].

Эмпиризм Нового времени весьма близок аристотелевской трактовке истины – поэтому его касаться не будем. Рационализм Нового времени продолжает средневековую традицию поиска причин ложности мысли вне связки «реальность – высказывание». Но подходит к этой традиции творчески. Например, с точки зрения Декарта, причиной заблуждения является превосходство воли над разумом: «...поскольку восприятие разума распространяется лишь на то небольшое, что ему предлагается, оно весьма ограничено. Воля же в каком-то смысле может быть названа беспредельной... Таким образом, мы легко простираем нашу волю за пределы ясно воспринимаемых нами вещей, а коль скоро мы так поступаем, ничего удивительного нет в том, что нам случается ошибаться» [4, с. 327-328].

Если говорить о философии XX-XXI веков, то здесь анализ ложности едва ли получится: традиционная оппозиция «истина – неистина» утратила свою актуальность и заменилась оппозициями «практическая применимость – практическая неприменимость», «логичность – нелогичность», «нарративность – ненарративность» и т.п. Даже понятие объективности претерпело существенные изменения, и сейчас под объективностью понимается «сущностная ценностная характеристика научного знания, предполагающая... независимость от субъекта науки» [12, с. 29], причём «независимость» оказывается серьёзной проблемой, поскольку субъект познания с одной стороны «есть действующий (познающий, высказывающий суждения, исследующий)», а с другой (менее актуальной в наше время) стороны, есть «необходимо отсутствующий или преодолеваемый» [Там же].

С определённой долей уверенности можно утверждать, что иллюзорный мир – это совокупность высказываний и образов, которые позиционируются (и самим высказывающим, и внешним наблюдателем) как несоответствующие реальности. Причин этого несоответствия европейская философия указывает немного.

Выше мы их перечислили: несоблюдение правил перехода от чувственного к рациональному («проектов» кодекса таких правил история мысли знает множество); подчинение разума воле; моральное несовершенство человека. Указанные факторы могут действовать как по отдельности, так и совокупно.

Теперь сравним мир реальный и мир иллюзорный. И тот, и другой существуют в виде высказываний и образов. И тот, и другой характеризуют определённую реальность. И тот, и другой порождены определёнными интеллектуальными усилиями. Чем же они отличаются? Отличаются характеризующими их *оценочными* высказываниями. Высказывания, оценивающиеся как нейтральные относительно бытия человека, высказывания, содержательная сторона которых оценивается как не зависящая от субъекта, считаются характеризующими *реальный мир*. Высказывания, оценивающиеся противоположно – т.е. как сложившиеся прежде всего под влиянием бытия человека, считаются характеризующими мир *иллюзорный*. Чтобы прояснить причину изменения позиционирования высказывания, обратимся к третьему понятию, характеризующему эскапизм, – понятию «бегство».

Сам термин «бегство» определить нетрудно: мысленный перенос человеком жизненных ценностей и ориентиров из мира реального в мир иллюзорный. Причина его тоже кажется очевидной: неудовлетворённость миром реальным. Но вот причина неудовлетворённости, причина позиционирования человеком самого себя как живущего в неудовлетворительном мире обычно раскрывается общими словами: «не устраивает», «не соответствует» и т.п. На наш взгляд, для прояснения причины надо обратиться к наследию такого философского учения, как экзистенциализм.

Главная категория, определившая как название, так и содержание данного течения, – экзистенция. Из всего многообразия её трактовок можно выделить следующее. Во-первых, экзистенция допонятийна, т.е. не может быть определена при помощи какого-либо слова «бытие, которое существует прежде, чем его можно определить каким-нибудь понятием» [8, с. 323]. Со словесной неопределённостью – и это во-вторых – связана неопределённость («неопределённость») бытийная – т.е. количественная, качественная, временная и пространственная: «...бытие принципиально шире всякого сущего» [14, с. 334]. В-третьих, экзистенция – это всегда первенство существования над сущностью: «...есть по крайней мере одно бытие, у которого существование предшествует сущности» [8, с. 323]. И в-четвёртых, экзистенция – это постоянная неудовлетворённость. Она «проявляется... в *неудовлетворённости*, которую ощущает человек, ибо в нём постоянно присутствует ощущение некоего несоответствия своему наличному бытию, своему знанию, своему духовному миру» [16, с. 426-427].

Выражается экзистенциальность в том, что М. Хайдеггер называет «фундаментальными настроениями» или «экзистенциалами»: «То, что мы *онтологически* помечаем титулом *расположение*, *онтически* есть самое знакомое и обыденное настроение, настроенность... следует видеть этот феномен как фундаментальный экзистенциал...» [13, с. 134]. Мы будем использовать более традиционный термин «ментальное состояние». Ментальных состояний, определяющих человеческое бытие, не так много. Это прежде всего страх, свобода, вина. В некоторых версиях экзистенциализма к таковым приписывается ещё надежда.

С точки зрения исследуемого нами вопроса экзистенция интересна следующим. Существовая, человек постоянно пребывает в единстве центробежности и центростремительности. Центробежность заключена в самой природе экзистенции. Говоря словами Хайдеггера, *Dasein* (*Existenzia*, *Ek-sistenz*) всегда пребывает вне-себя, в своих возможностях: «Присутствие (*Dasein*) понимает всегда из своей экзистенции, возможности его самого быть самим собой или не самим собой. Эти возможности присутствие или выбрало само или оно в них попало или в них как-то уже выросло» [Там же, с. 12]. В то же время, придя к последней возможности (невозможности всех возможностей – смерти), экзистенция становится на путь центростремительности – т.е. возвращается к самой себе, понимает своё бытие именно как бытие своё *собственное*, ни от кого не зависящее и никому не передаваемое. Смерть «есть возможность невозможности всякого отношения к... всякого экзистирования». «Смерть есть самая своя возможность присутствия. Бытие к ней размыкает присутствию его самую свою способность быть, где дело идёт прямо о бытии присутствия» [Там же, с. 262-263]. Обе стороны указанного единства – центробежность и центростремительность – конкретизируются в противоположных тенденциях существования человека.

Представляется возможным выделить две пары противоположных тенденций.

Первая пара – единство устремлённости к абсолютно близкому и бесконечно далёкому. Иными словами: устремлённость к тому, что практически слито со мной, существующим здесь и сейчас, к тому, что в наивысшей степени соответствует пониманию человеком себя, своей самости, своей отличности от всего иного; противостоящее первой устремлённости (и её диалектически поддерживающее), ускользание в то, что бесконечно отдалено от меня, существующего здесь и сейчас, в то, что мне бесконечно чуждо, в то, что сливает самость со всем окружающим, делая её неотличимой от всех иных сущих.

Вторая пара противоположных тенденций – единство благоприятного и неблагоприятного. Существование человека с необходимостью устремляется к тому, что оценивается им как в высшей степени для себя благоприятное. Диалектически поддерживает эту устремлённость представление о том, что оценивается как в высшей степени неблагоприятное.

И теперь мы можем возвратиться к затронутой выше теме оценивающей дифференциации высказываний. Проблему можно сформулировать следующим образом: почему никак не связанное с верификацией оценивание высказывания как характеризующего *реальный мир* или как характеризующего *иллюзорный мир* может иметь место в человеческом отношении к действительности, почему человек постоянно использует возможность конструирования мира иллюзий и возможность ухода в этот иллюзорный мир?

Причина тому – как мы постарались показать – коренится в особенностях человеческого существования. А именно – в присутствующих в существовании и порождённых только особенностями существования противонаправленных тенденциях (см. выше).

Именно эти тенденции создают «фундаментальное настроение» реальности и иллюзорности, «фундаментальное настроение» разделения сущего на два этих вида. Эти же тенденции направляют оценивание высказываний о реальности не в соответствии с логикой и правилами верификации, а в соответствии со свойственными данному конкретному человеку способами оценивания. Человеческое существование, конституируемое данными тенденциями, непрерывно пребывает в состоянии конструирования того, что традиционно именуется «реальностью», конструирования того, что традиционно называется «иллюзией» и в состоянии перехода от реальности к иллюзии – т.е. в «эскапическом» бегстве от первой ко второй.

Вывод из сказанного может звучать следующим образом. Эскапизм – это не добровольный выбор определённой части людей. Любой человек до некоторой степени эскапист. Эскапист он потому, что существует на границе двух способов бытия.

Первый способ бытия – реальность, оценённая как неудовлетворительная. Второй способ бытия – реальность, оценённая как удовлетворительная. Какая из этих реальностей соответствует действительности, какая не соответствует (с точки зрения верификационизма и логики) – неважно. Способы построения той и другой реальности ничем принципиально не отличаются. Отличается лишь их оценка. Причина наличия разной системы оценок – пульсирование экзистенции.

Список источников

1. **Аристотель.** Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
2. **Богомолов А. С.** Античная философия. М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. 368 с.
3. **Витгенштейн Л.** Философские работы: в 2-х ч. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. 612 с.
4. **Декарт Р.** Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
5. **Жмуров В. А.** Большой толковый словарь терминов психиатрии. Элиста: Джангар, 2010. 864 с.
6. **Ивин А. А., Никифоров А. Л.** Словарь по логике. М.: ВЛАДОС, 1997. 384 с.
7. **Литинская Д. Г.** Экзистенциальный эскапизм: новая проблема общества открытой информации. М.: Левь, 2013. 212 с.
8. **Сартр Ж.-П.** Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов (Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.-П. Сартр): антология / сост. А. Яковлев. М.: Политиздат, 1989. 398 с.
9. **Толкин Дж. Р. Р.** Чудовища и критики. М.: АСТ, 2007. 416 с.
10. **Философская энциклопедия:** в 5-ти т. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. 740 с.
11. **Фома Аквинский.** Учение о душе. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.
12. **Фрагменты ранних стоиков:** в 3-х т. / сост. А. Столяров. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1998. Т. 1. Зенон и его ученики. 230 с.
13. **Хайдеггер М.** Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
14. **Хайдеггер М.** Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии / сост. П. С. Гуревич. М.: Прогресс, 1988. С. 314-356.
15. **Шиповалова Л. В.** Научная объективность в исторической перспективе: дисс. ... д. филос. н. СПб., 2014. 370 с.
16. **Ясперс К.** Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
17. **Latour B., Woolgar S.** Laboratory life: The construction of scientific facts. Princeton: Princeton University Press, 1986. 296 p.

ESCAPISM AS ONE OF THE MANIFESTATIONS OF HUMAN EXISTENTIALITY

Sivertsev Evgeniy Yur'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Saint Petersburg University
Emden1914@mail.ru

The article deals with the phenomenon of escapism discovered by theoreticians of literature. Art critics characterize escapism as an image of fantastic reality corresponding to the inner needs of the man, but unattainable in the objective world. The author makes the assumption that the named phenomenon is peculiar not only to certain genres of art, but characterizes human existence as a whole. The notions of the real world and the illusory world are not correlated with the rules of verification and with logic, but with the features of the psycho-emotional sphere of the man. To substantiate this thesis, the methodology proposed in the works of the European existentialists of the XX century is used.

Key words and phrases: escapism; reality; illusion; verification; evaluating statements; existence; life form; language game; fundamental mood.